

Виктор Гончаров
ВЕК ГИГАНТОВ
История про то, как фабзавук
Николка из-за фокусов
ученого-медика Скальпеля
попал в гости к первобытному
человеку

*Пионерам,
фабзайчатам и
комсомольцам
посвящает автор эту
книгу.*

Скальпель занимается морокой. — Через мороку в плиоцен. — Исполинская саламандра. — Стена из скорпий. — Голос первобытного человека. — Николка сражается с гигантским львом. — Конфуз Скальпеля. — Первобытная собака. — Пантера. — Если бы не эти проклятые брюки, я бы — ого!

— А знаете, я вас могу переселить на время в самое что ни на есть первобытное общество, — это объявил ученый медик Скальпель, входя в тесную комнатку знаменитого фабзавука и строя, по обыкновению, на своем лице причудливый переплет из загадочных улыбок.

Фабзавук в это время, покончив с медицинскими науками, поглощал с азартом, свойственным лишь тем людям, которым доступ к знанию был прегражден в течение долгих веков и которые сами, рабочими своими руками, смели эту преграду, — фабзавук Николка с большим азартом теперь поглощал уже новые науки.

— ...Могу переселить в первобытное общество, — повторил конец своей фразы доктор Скальпель, кряхтя и взгромождаясь на Николкин диван, сооруженный из старых газет и ящиков.

Николка оторвал глаза от книги, задумчиво-ласково посмотрел на чудака Скальпеля, потом на муху, планирующую к докторской лысинке, и с шумом захлопнул Тахтарева на самом интересном месте.

— Дудки! — сказал он, как отрезал. — Хотите чаю? Прошли те времена, когда я над книгами засыпал... Засыплетесь теперь вы с вашими фокусами... Чай холодноват, хотите — подогрею?..

— Не засыплюсь... Не подогревайте, давайте, какой есть... Не засыплюсь. Проще пареной репы... Вы над чем теперь мудрствуете? Ага, над первобытным человечеством! Я так и знал. — Скальпель взял Тахтарева, перелистал. — Я так и знал, — повторил он решительно и загадочно вместе с тем.

— Мудреного ничего нет, — ухмыльнулся Николка, — у меня все окно завалено книгами по палеонтологии и палеозоологии. С улицы видать сразу, чем я занимаюсь.

— Пускай так, — немного разочарованно произнес Скальпель и засвистал — Фью... фью... Даю голову на отсечение, — геологию Боммели вы уже проглотили?

— Готова! — подтвердил Николка. — От крышки до крышки. Занятная книжища.

— ...И вымерших животных Ланкестера? — предположил Скальпель, беря с окна

соответствующую книгу.

— Готова, — снова поддакнул Николка.

— И Кунова, Левину, Дорш?..

— Есть все три выпуска.

— Здоровое дело! — одобрил Скальпель. —

Итак, хотите, я вас переселю в первобытные времена?

— Валяйте, — дурашливо-быстро согласился Николка.

— Только дайте сначала Ваньке Сванидзе письмо написать.

— Пишите. Я подожду. — Скальпель учтиво повернулся к фабзавуку спиной и залистал «Потонувшие материки» Добрынина.

Проползла минутка, другая... Ученый муж продолжал рассеянно шевелить страницы названной книги, а Николка, вытаращив глаза, глядел ему в спину.

— Вы... что сегодня кушали? — наконец, спросил он.

— Окрошку и котлеты, — с охотой отозвался врач, оборачиваясь. — А вы уже написали?

— Чудачите! Можно подумать, что вы сильно угорели!

— Не угорал. В полном здравии. Ну, отвечайте скорее, да серьезно: познакомиться хотите со своими предками?

Никогда еще Николка не видал своего друга в

таком странном состоянии; что он любитель шуток и фокусов — это было известно всей фабрике, но чтоб он позволил себе морочить головы людям менее себя образованным, — этого никогда еще не случалось.

«Хотя бы улыбнулся, сатана!» — думал Николка и напряженно старался разгадать загадку.

А Скальпель серьезно и с нетерпением ждал ответа.

— Ну, ну, мужчина, решайтесь, — гудел он.

— Вы чего, собственно, хотите? — вспыхнул, наконец, Николка. — Хотите, чтобы я поверил вашей мороке?

— Сами вы морока, — обиделся вдруг врач. — И чая вашего не хочу пить. И незачем было туда мух пускать. Вот возьму и уйду...

— Пойдите, — поймал Николка докторскую руку. — Объясните, как это вы думаете переселить меня в общество, которое уже не существует?

— Проще пареной репы, — сразу сдался врач и снова уселся, а свободной рукой машинально стал размешивать чай, в котором действительно плавали две мухи. — Возьму и переселю. А когда переселю, и вы в этом сами убедитесь, — тогда объясню... Ну, говорите, согласны?

— Согласен! Согласен, черт вас побери! — вскричал Николка. — К праотцам, так к праотцам! А вы... меня будете сопровождать?

— Если хотите, буду...

— Хочу. Дуйте... Ну, раз, два!

— Подождите, подождите. Не так скоро... —

Скальпель вынул из кармана хрустальный шарик, усадил сбитого с толку фабзавука на газетно-ящичный диван и предложил: — Смотрите пристально на этот шарик. Ни о чем не думайте и ничего не говорите.

— Ага, гипноз?

— Там видно будет, — неопределенно отвечал врач. — Внимание!

Шарик заблестал в его руке перед самым носом Николки. Потом... потом ворчливо-добродушный голос врача стал глохнуть, удаляться куда-то, но послушный Николка не отрывал глаз от мерцающего шарика и вскоре заметил странное явление: шарик превратился в звездочку; звездочка, подмигивая лукаво, поплыла вверх, дальше... дальше, к потолку, за потолок... в синее небо...

...Звездочка растаяла, исчезла, и возле него прозвучал совсем близкий голос врача:

— Вот мы с вами в кайнозойской эре развития земли, — в конце ее, приблизительно в плиоценовой эпохе, отстоящей от нашего времени с лишком на один миллион лет...

Николка стряхнул с себя оцепенение, вызванное мерцающим шариком, но, желая

подурачить гипнотизера, плотно закрыл глаза.

— Да вы проснитесь, — убеждал врач. — Небось, выспались?

«Черта с два я сплю!..» — подумал Николка, сдерживая смех, и в ту же секунду оторопел, почуяв на лбу влажное, жаркое дыхание, а в носу — запах воды и растительности. Он открыл глаза.

— Мать честная... — были первые его слова, в которых заключалось изумление, не передаваемое никакими словами. — Вы мне должны объяснить эту чертовщину!.. — немедленно и с большим жаром обратился он к своему спутнику, почему-то имевшему за поясом сванидзевский кинжал, а за плечами Николкину винтовку. — Сейчас же объясните, в чем дело!..

— Со временем, со временем, мой друг... — невозмутимо отвечал Скальпель, храня на лице причудливую сеть из загадочных мин.

— Но ведь я не сплю? Скажите, я не сплю?.. — волновался Николка, нещадно теребя себя за нос.

— Оставьте в покое свой нос... — менторски важно произнес врач. — Вы, т. е. я и вы, значит, мы находимся в плиоцене кайнозойской эры.

— Бабушке своей расскажите!.. — вспыхнул Николка.

— Сделал бы это с большим удовольствием, но моя бабушка в плиоцене не жила... — будто

сожалея, отвечал ученый медик.

Тогда Николке ничего более не оставалось, как примириться с новыми обстоятельствами и внимательно осмотреться.

Поистине, произошла какая-то чертовщина!

Они стояли на берегу тихо ропщущего озера под лазурным куполом неба. Берег был густо покрыт осокой, а выше — лесом древовидного папоротника. Никаких признаков жилья; ни деревень, ни городов, ни, тем более, Николкиной комнатухи, заваленной Тахтаревыми, Добрыниными, Боммели и прочими «первобытниками», — ничего этого и в помине не было. Куда все это девалось, одному Скальпелю было известно!.. В зарослях папоротников кишело многообразное царство гадов, большей частью знакомых Николке из его собственной жизни; змеи, лягушки, жабы, ящерицы имели здесь своих представителей, лишь размерами тела уклоняющихся от современных типов: так, лягушки были ростом с хорошо откормленных кур; змеи походили на гладкие бревнышки, ящерицы же — на детенышей крокодила. В прибрежной осоке бродили хохлатые цапли, ловко орудуя длинным клювом, как портной ножницами; юркие водяные курочки гонялись за летающими и скачущими насекомыми, испуская жизнерадостные крики, вполне отвечающие всей обстановке; в воздухе

носился голубой зимородок в компании себе подобных, резко взывая к кому-то: «тип-тип!». Невидимая выпь издавала свое глухое «ипрумб-ипрумб», похожее на мычание обиженного быка, и над всем этим звонкоголосым миром высоко в небе парил исполин-кондор, покрывая своей бегающей тенью сразу пол-озера.

Мимо друзей грузно прошлепала к воде нарядная ящерица, величиной немногим менее крокодила; она смутила Николкину любознательность и даже, пожалуй, отвагу.

— Кто это? — тихо спросил он, давая ей дорогу.

— Пустяки. Исполинская саламандра. Безобидное животное... — отвечал Скальпель со сверкающими удовольствием глазами, а когда «безобидное животное», напившись из озера, сослепу или намеренно наскочило на него, он испуганно забормотал, тыча перед собой винтовкой: — Ну ты, ну ты... подальше... Хоть ты и питаешься маленькими рыбками и червяками, но все же...

После столь выразительной, хотя и недоконченной фразы саламандра — животное, в общем, в высшей степени отвратительное со своей черной кожей, жирно усаженной бородавками и висячими складками — шмыгнула в кусты.

Других достопримечательностей на этом

берегу Николка не обнаружил, и его внимание всецело перенеслось на противоположный берег, находившийся не далее, как в четверти версты от них; там в камышах шумно плескалось огромное неуклюжее животное с жирным туловищем и широкой тупой мордой. Скальпель, по описанию Николки, — сам он на таком расстоянии ничего не видел, — признал в нем гиппопотама.

Гигантский лев, свалившись неизвестно откуда рядом с гиппопотамом, заставил последнего с ревом нырнуть в озеро, а врача вздрогнуть и взять винтовку к плечу.

— Спрячемся, мой друг, — осторожно сказал он, — этот первобытный лев отличается необыкновенной свирепостью, на глаза ему не следует попадаться.

— Ничего первобытного я здесь не вижу... — разочарованно прогудел Николка. — Звери, как звери. Такие водятся и в наше время. Просто мы где-нибудь под тропиками или в большом зверинце...

— ...Ну, нет, — отвечал врач, заставляя своего друга опуститься рядом с собой под перистую крону папоротников. — Такого льва вы нигде не увидите, кроме как в плиоцене; не увидите и исполинской саламандры... Впрочем, что касается последней, то подобную ей вы и теперь встретите в Японии, но японская на целый фут

короче первобытной; эта в длину имеет больше четырех футов, тогда как японская достигает только трех. Мы, несомненно, находимся в достаточно первобытных временах...

Николка, однако, очень мало доверял словам врача и от поры до времени, когда тот не глядел в его сторону, безжалостно терзал себя за распухший нос.

— Фокус или сплю, — повторял он про себя и злился на ученого медика, злоупотреблявшего его терпением.

Спустя некоторое время Скальпель выглянул из-под прикрытия.

— Ну-с, лев скрылся, — сказал он, — можно продолжать путь; пойдете искать своих предков...

С неохотой и большим недоверием поднялся Николка вслед за ним; ему вообще не хотелось двигаться до тех пор, пока странное их переселение не будет объяснено. Но врач, улыбаясь, молчал, — его улыбки подмывали на дерзости, — молчал и Николка, теряясь в догадках.

«Ладно, мы еще с тобой поквитаемся», — думал он, безмолвно следуя за медиком от озера к густой стене лиственных деревьев, высившихся в полуверсте от берега.

Папоротники тянулись вплоть до леса. Возле самой опушки они уступили место ленте молодого дуба и березок, столь щедро увитых лианами с

двухвершковыми шипами на стеблях, что подступ к лесу делался совершенно невозможным ни для человека, ни для животных. Над этим живым проволочным заграждением возвышались мощные стволы вяза, дуба и березы, хранившие под сенью своей ту влекущую к себе прохладу, которой так не хватало вне их, на пространстве от озера к опушке.

Друзья уперлись в скорпиозную стену, остановились и многозначительно взглянули друг на друга. Собственно, многозначительный взгляд был у одного Скальпеля, в ответ ему следовал взгляд настороженный и подозрительный.

— Вам очень хочется в лес? — спросил Николка, и в голосе его была насмешка, так как Скальпель исходил потом в своем пиджаке и плотных брюках; на Николке же красовались одни трусики и сандалии.

— О да, мой милый, — вздохнул врач, — здесь такая духота, что я жалею, почему мы не искупались в озере?..

— Мы еще искупаемся, — отвечал Николка, которому вдруг стало жалко врача, и он, забыв о недавнем своем гневе, с усердием принялся отыскивать лазейку в неприступной чаще.

Лазейки нигде не было; вдоль всей опушки тянулась естественная изгородь; ни в ту, ни в другую сторону, казалось, не было ей конца; солнце же, как нарочно, поднималось все выше и выше,

воздух накалялся, паря в то же время и отнимая у Скальпеля последнюю возможность облегчать свои страдания через потоотделение. Николка прибег к помощи сванидзевского кинжала, но этим добился только того, что в одышке и усталости вскоре сравнялся с врачом.

— Идемте к озеру, — решительно молвил отдохнувший Скальпель, — будем ждать у воды появления своих предков.

Но когда приятели отвратили распаренные и обожженные лица от ненавистных колючек и уже занесли ногу по направлению к многообещающему озеру, до их слуха донесся протяжный и жалобный стон со стороны леса.

— Это за колючей стеной, — быстро определил Николка.

— Стонал человек, — высказался врач, — мне-то уж известно, как стонет человек.

Стон повторился еще протяжнее и еще жалобнее.

— Это — собака, — безапелляционно утвердил Николка.

— Сами вы... — хотел выругаться врач и оборвал, потому что стон перешел в хватающий за сердце вой.

— Ну? — подмигнул Николка, еще более убежденный в своей догадке.

Скальпель покрутил головой и не сдался:

— Человек. Первобытный человек. Надо ему помочь.

Легко было сказать «помочь», однако как это сделать?

Николка уселся на землю, любопытствуя, что предпримет ученый медик.

— Дайте сюда кинжал, — мрачно попросил тот.

Николка передал кинжал.

— Смотрите, — предупредил он, — не делайте напрасных движений, вы и без того красны, как... «пареная репа».

Сравнение не было удачным, зато попало в цель: Скальпель запыхтел от обиды и даже не нашел в ответ острого словца. Молча отойдя на несколько шагов и смерив взглядом высоту колючей изгороди, он произнес как бы про себя: «метра четыре» — и косо взглянул на фабзавука.

— Давайте обратно кинжал!.. — сразу вскочил тот, поняв его план и устыдясь неповоротливости своей мысли.

Существо за живой преградой, услышав, должно быть, движение, усилило призывные вопли, подхлестывая тем энергию приятелей. Впрочем, это касалось одного Николки: врач, дав мысль, безропотно подчинился инициативе молодого фабзавука; он опустился на землю и оттуда с удовольствием следил за его ловкими движениями.

— Все-таки это — собака, — стоял на своем Николка, принимаясь за дело.

— Если это собака, — возражал упрямо врач, — то она такая же, как и мы с вами, разве только моложе нас на миллион с лишком лет. Я хорошо знаю, как стонет человек.

Пока Николка для выполнения плана врача рубил молодые деревца, которые избежали пленения со стороны цепких лиан только потому, что были посеяны ветром несколько поодаль от леса, Скальпель философствовал вслух:

— Вот поди ж ты! Что значит «человек — общественное животное»! Смотрите, как активировало мою мысль страдание ближнего. Ведь я бы никогда не додумался до такого трюка, а тут — в три счета...

«Посмотрим, каков есть твой ближний», — смеялся в душе Николка, одну за другой валя на землю четыре пятиметровых березки.

Философствование Скальпеля прервалось насильственно. Он вдруг вскочил вне всякой связи с ходом своих мыслей и с прытью пионера кинулся к Николке:

— Скорей, скорей! Я слышал рев льва!.. Он бежит к нам!.. Скорей лезем!..

Не верить врачу не было оснований: слишком красноречиво дергались мышцы его лица, и Николка опрометью бросился к тернистой

изгороди, нагрузившись сразу тремя деревьями, — последнее приволок на себе Скальпель. Они поставили торчмя срубленные березки, прислонив их к изгороди. Первым вскарабкался по ним Николка; втянув три березки вверх, а вместе с последней обмершего Скальпеля, он взглянул вдаль, на озеро, и сразу заметил в нем темное пятно — кудлатую голову огромного льва, перебиравшегося вплавь на этот берег.

Нужно ли говорить, что в столь поспешном бегстве друзья не считались ни с целостью своей одежды, ни с ранимостью кожи: Скальпель оставил на колючках клочки своих брюк и пиджака, фабзавук изодрал в кровь голые руки и ноги.

Наверху, на кронах деревьев, удушенных в грозных объятиях лиан, стоять было легко, благодаря березкам, положенным в ряд. Естественная стена имела толщину не менее пяти метров и отличалась большой устойчивостью. Тут Скальпель отдышался и пришел в себя.

Лев, может быть, совсем и не думал о преследовании двух жалких двуногих, жизнь которых могла прерваться от двух легких ударов его могучей лапы, но фабзавук, движимый местью за свою изодранную кожу, поднял ружье, когда хищник вылез на берег. Раздался выстрел — Скальпель с большим опозданием надумал удержать фабзавука от мести, — рука стрелка

дрогнула — пуля только рассекла мускулистое бедро льва...

Такого ужасающего рева друзья во всей жизни не слышали. Все живое на берегу — копошащееся, прыгающее, ползающее и бегающее — в один миг замерло, трепеща перед косматым богом. Гигантскими прыжками, сопровождавшимися гулом и треском, лев стал приближаться к месту грома, поранившего его.

— Теперь держитесь, — предупредил побледневший врач, — этот лев в один прыжок достанет нас.

— Не надо было толкаться... — огрызнулся Николка.

Он еще раз прицелился, стараясь удержать легкое дрожание руки. Лев был в десяти шагах и собирался сделать последний прыжок, сжав в стальную пружину покрытое буграми мышц тело; в это время новая пуля пронзила его насквозь от плеча к крупу. Прыжка стальной хищник не сделал, заменив его диковинным сальто-мортале в воздухе, но он упал на ноги и приготовился к новому прыжку, — на его белой бороде выступила кровавая пена.

— Стреляйте в глаз! В глаз стреляйте! — умолял Скальпель.

— А вы его придержите, чтобы он не вертелся... — бросил Николка и выстрелил в упор.

Тяжелая туша упала подле его ног, на живую изгородь. Стрелок отпрыгнул, сшиб Скальпеля, сам провалился по пояс, получив новые царапины на память от шипоносных лиан, и все это проделал напрасно, так как грозный хищник больше не подавал признаков жизни: у него был разmozжен череп.

— Вы — молодец! — похвалил врач, успевший подняться без одной штанины и вернуть себе свой старый вид — вид «пареной репы». — А я, признаться, на вашем месте никогда бы не попал в такую подвижную и ужасную цель...

Николка презрительно передернул плечами.

— Попадали и в худшую цель, а это — что? Простой лев...

— Ну, не скажите — «простой». Не простой, а пещерный. В наше время таких громадин не водится, все вымерли.

— А почему они вымерли? — спросил Николка с сожалением в голосе.

— Вследствие изменения климата, — отвечал Скальпель, причем в его голосе не чувствовалось ни малейшего сожаления. — Мы с вами находимся сейчас в плиоцене кайнозойской эры. В конце же плиоцена (это вам, наверное, уже известно) начался ледниковый период — период, во время которого покрылась льдами большая часть земли. О причинах этого обледенения в настоящую минуту

не место говорить...

— Конечно, не место... — подхватил с готовностью Николка, который не любил слушать то, что он уже знал. — Вы лучше поспешите к своему «ближнему», он ждет вашей помощи...

Его острые глаза давно различили в тени вековых дубов, по ту сторону изгороди, большую собаку, по форме головы похожую на немецкого дога. Она беспомощно лежала на земле, ущемленная в крупе стволом упавшего дерева.

— Да, да, мой пациент... — спохватился врач. — Где он?

Николка предупредительно спустил вниз две березки и помог спуститься Скальпелю.

Разочарование врача не вышло из граней приличия, зато смущение превзошло всякие грани.

— Это же собака!.. — в полном недоумении воскликнул он, завидев своего «пациента».

— Я так и говорил, товарищ доктор, — лукавая глазами, подтвердил фабзавук. — Собака, очень большая собака и очень хорошая собака, кроме того, придавленная к земле гнилой березой... Очень несчастная собака, и в голосе у нее — страдание первобытного человека.

Скальпель, несмотря на чарующую прохладу, которой, наконец, добился, от смущения снова распарился и так вспотел, что влага почти что брызнула из кожи его лица.

— Стыдитесь, — сурово заметил Николка, — вы, как чудотворная икона, источаете слезы.

Собака, при виде двуногих, приближавшихся к ней весьма непринужденно, сделала попытку свирепо зарычать и тут же жалобно завывала, повредив резким движением ущемленный круп.

— Ну-ну, цуцок, цуцок, — успокоил ее врач, — лежи смирно, мы к тебе с добрыми намерениями.

Он хотел погладить ее по голове и едва успел отдернуть назад руку: страшные клыки щелкнули в двух сантиметрах от его пальцев.

— Надо ей предварительно связать пасть, а то мы ее освободим, а она нас после искусает. — Сказавши это голосом, исполненным отваги, Скальпель отошел в сторону больше, чем на два сантиметра.

Николка смело приблизился к несчастному животному, держа в руке ремешок от скальпельских брюк. Собака опять зарычала и опять, причинив себе боль, завывала. От подошедшего к ней двуногого исходил запах крови; это был смешанный запах — самого двуногого и заклятого недруга собак — льва. Рев разъяренного хищника она слыхала, слыхала и гром, издаваемый двуногим; что между ними произошла стычка и что из стычки двуногий вышел победителем — свидетельством тому служили острые выделения

умершего льва, дошедшие до ее обоняния. В Ни-колке собака признала победителя страшного зверя, и когда он, миролюбиво ворча, опустился на землю рядом с ней, она приветствовала его легким визгом и пожаловалась на тяжелое бревно, лишившее ее свободы. Николка смело опустил руку на голову собаки.

— Клянусь своими брюками, собака знает человека! — крикнул издалека Скальпель, делая шаг вперед.

Но собака, «знающая человека», опять недружелюбно зарычала, и он остановился в отдалении: от второго двуногого не пахло кровью льва.

Николка уверенно и быстро накинул на морду животного петлю из ремешка и снова заговорил миролюбиво-успокаивающе. Умными глазами собака глянула в зрачки человека и не увидала в них ничего угрожающего. Она доверчиво ткнулась в руку, связавшую ей пасть.

— Смотрите, какая умная собака! — восторгался Скальпель. — Утверждаю, что она знает человека.

— Не сядьте в лужу, — предостерег фабзавук.

Скальпель оглянулся, никакой лужи не увидел и понял, что предостережение молодого друга скрывало в себе аллегория.

Когда задние ноги собаки были освобождены

из-под груза, делавшего ее неподвижной, она попыталась вскочить, но весь ее зад вихлялся, как неживой.

— Придержите ее, — попросил Скальпель, — я посмотрю, целы ли кости.

Через пять минут тщательного исследования он возгласил:

— Позвоночник цел, кости ног — невредимы. Собака не может ступать на задние конечности вследствие двух причин: первая — от истощения, так как она пролежала без пищи довольно долго; вторая — от паралича этих самых конечностей, происшедшего на почве долгой бездеятельности и продолжительного давления; паралич скоро исчезнет, и собака будет бегать по-прежнему.

— Если бы у меня была шапка, — сострил Николка по поводу торжественности врача, — я бы снял ее, но так как шапки у меня нет, я просто приветствую вас: — Гип! Гип! Ура!!

При этом он сделал рукой пионерский жест приветствия, а Скальпель с одной штаниной на ноге в ответ раскланялся грациозно, как на сцене.

Чтобы доставить докторскому «пациенту» усиленное питание, Николка полез обратно на колючую изгородь. Нелегко было тупым сванидзевским кинжалом выкромсать из туши льва кусок мяса. Николка провозился над этой операцией больше десяти минут. Когда он,

поджаренный со всех сторон на солнце, поднял кверху, под свежее дуновение откуда-то вырвавшегося ветерка, обожженное лицо, его слух поймал необычайный шум в стороне, где остался Скальпель. Он не успел подняться с корточек, — и в этом было его счастье, — как почти над ним гудящей стрелой, запрокинув рогатую голову назад, а ногами совсем не касаясь шипоносных лиан, по воздуху пронесся олень. Олень перелетел через четырехметровую изгородь, упал на ноги и стремглав, объятый паникой, помчался к озеру. Справедливо ожидая появления преследователя, фабзавук склонился грудью к трупку льва, и в тот же миг через него мелькнула белой шерстью на животе громадная кошка с удлинённой мордой. Кошка сверкнула на фабзавука зелеными глазами, горевшими яростью, и, спрыгнув вниз, заныряла красно-желтой спиной в чащу папоротника. Николка поднялся, наконец, захватив под мышку вырезанный кусок.

— Эгей, доктор! — окликнул он Скальпеля, который лежал пластом в трех шагах от исходившей в бешеном лае собаки.

Скальпель поднял голову:

— Где пантера? Это была пантера...

— Если это была пантера, — отозвался Николка, — то она может вернуться, если не догонит оленя.

— Это верно, — забеспокоился Скальпель, — отсюда надо удирать.

Собака, на передних лапах, продолжала бесноваться, но лаяла она не в сторону исчезнувшей пантеры, а в глубь леса. Вдруг она зарычала, как перед боем, и шерсть на ее загривке вздыбилась перпендикуляром. Николка поспешно спускался, когда из-за двухобхватных стволов появилась вторая красная шкура той же кошачьей породы. В один прыжок она была около Скальпеля, второй прыжок был бы фатальным, но он не состоялся. Скальпель, забыв, что винтовка употребляется, главным образом, как огнестрельное оружие, шваркнул ее в прижавшуюся к земле пантеру, а сам пустился наутек. Однако он не убежал далеко, так как брюки его, потерпевшие аварию на колючках, самым неожиданным образом упали вниз и спутали ему ноги...

Если бы вся эта сцена не грозила завершиться драматически, Николка повалился бы от смеха. Теперь он этого не сделал. Застыв бронзовым изваянием, он схватил кинжал за острый конец и ждал чего-то. Пантера, получившая в морду винтовку, несколько замешкалась на месте, и к ней бесшумно подоспела собака, с трудом вставшая на все четыре лапы. Длинные белые клыки вцепились пантере в зад, когда она отделилась от земли.

Прыжок опять не состоялся, не состоялся он и в третий раз, когда, отбросив в сторону собаку, еле державшуюся на ногах, пантера была в двух шагах от Скальпеля. Не состоялся прыжок потому, что Николка поймал, наконец, долгожданный момент и метнул в разъяренного хищника вращающийся кинжал. Этому приему он научился у своего сожителя и товарища по училищу — грузина Ваню Сванидзе. Кинжал, пущенный сплеча с громадной силой, на лету приобрел еще дополнительную центробежную силу — вследствие вращения острого конца клинка вокруг тяжелой рукоятки. Длинный клинок, войдя в правое плечо пантеры, вышел через левое, и если он не убил ее, зато сразу лишил движения, сковав передние конечности в плечевых суставах. Собака, щелкнув челюстями, за один раз разорвала пантере горло... Напрасно Николка с таким усердием возился над трупом льва! Неблагодарная собака даже не взглянула на преподнесенный ей кусок, — напившись до отвала горячей крови гигантской кошки.

— Если бы не эти проклятые брюки, — оправдывался Скальпель, — я бы — ого! — догнали бы вы меня черта с два!..

Жуткий лес. — Собака-Керзон. — «Тур, или ур, говорю». — Динотерий и махайродус. — Ну, зверь! — Николка ранен. — Пещера хищника. — Палеонтологическое открытие Скальпеля

Высокоствольный лес, под который друзья вступили, подавлял своим диким и величественным видом. Лишь где-то наверху, в густой кроне ветвей, на высоте не меньше пятидесяти-шестидесяти метров, гомонил далекий мир пернатых; внизу же, где черная земля с чахлыми дерновинками травы была исковеркана чудовищными лапами-корнями, меж громадин стволов висело жуткое безмолвие. Здесь царили вечные сумерки, и сырой неподвижный воздух был насыщен едкими выделениями насекомых и невидимых зверей. Что звери эти существовали не в одном только напряженном воображении людей XX века, а и в действительности, свидетельствовало поведение собаки, не отстававшей от друзей ни на одну пядь и поднимавшей то и дело загрохот с глухим грозным рычанием. Под вывороченными бурей великанами-стволами, в ямах-норах, под скрученными лапами корней, в глубоких дуплах тысячелетних деревьев крылись лесные тайны, и на них чуткая собака не переставала реагировать, умными глазами поглядывая на своих двуногих спутников.

Земля, по которой они осторожно и боязливо ступали, была пересечена путаными тропинками и тропами, разветвлявшимися все больше и больше, чем темней и дремучей становился лес. Было очевидно, что все эти лесные дороги сходились к какому-то одному месту на оставшейся позади опушке и что в непроходимой стене из скорпиозных лиан и молодых деревьев должна была все-таки существовать лазейка или даже целый пролом, дающий выход из леса к озеру.

Друзья шли молчаливо и в молчаливом согласии необыкновенно дружно избегали всех мало-мальски подозрительных темных мест. Скальпель, если судить по его сосредоточенному лицу и по набегавшей периодически гармошке из морщин на высоком — вплоть до макушки — челе, — Скальпель, должно быть, разрешал какую-то сложную проблему. Николка ничего не разрешал, зато внимательно следил за собакой, которая, вследствие своей слабости, еще не могла бегать, но все-таки постоянно опережала двуногих. Она — друзья окрестили ее Керзоном, в честь славного английского государственного мужа, способствовавшего своим выступлением увеличению мощи Союза, — она представляла собой мускулистое животное, ростом достигавшее величины средне-упитанного телка; ее длинную четырехугольную пасть с выпуклыми челюстными

мышцами украшали острые, почти полуторавершковые клыки, оттопыривавшие ей губы. Лучшего защитника, когда он окрепнет, трудно было вообразить себе в этом жутком первобытном лесу, и Николка всячески воздействовал на него в смысле удержания подле себя, замечая, что с каждым новым часом собака все больше и больше уходила вперед. Эта тенденция развивалась в ней параллельно с восстановлением ее сил.

Николкино воздействие заключалось в мягком уговаривании Керзона не покидать бедных двуногих, попавших из-за сумасбродства одного из них в таинственные дебри первобытного леса. Он заметил, что звуки человеческого голоса воспринимались собакой как-то необычно вдумчиво и внимательно, и не только воспринимались, но и получали ответную реакцию в виде подвывания, взвизгивания и лая.

— Собака знает человека, — оторвавшись от решения неизвестной проблемы, твердо сказал Скальпель, — только, надо думать, она привыкла беседовать с двуногими на своем языке, т. е. я хочу сказать, что люди, в среде которых она вращалась, умели беседовать с ней на ее собачьем языке. Вы же этого не умеете и не понимаете ее речи, а я уверен, она что-то хочет нам сказать. Не так ли, Керзон?

Замечание Скальпеля было вызвано тем, что Керзон, все время следовавший впереди друзей, вдруг остановился и дальше не пожелал идти, а Николка, пытавшийся уговорить его, получил в ответ сложную отповедь, состоявшую из приглушенного рычания, легкого визга и лая.

— Ладно, ладно, — отвечал фабзавук, — понимаем: опасность?., так, что ли?

Керзон завилал хвостом и после этого нерешительно тронулся в путь.

— Мы стрелять будем... — продолжал ободрять Николка понурого пса. — Понимаешь? Бах-бах, и готово. Ты только не бойся, иди...

Собака, будто понимая, уверенней пошла вперед, но, пройдя шагов двадцать, вдруг остановилась, безмолвно ошетибилась и застыла, только кончик ее мускулистого хвоста судорожно дрожал. Заинтригованный Николка осторожно приблизился к ней и так же резко, как она ошетибилась, вскинул винтовку к плечу, ощущая в сердце холодок: шагах в тридцати от них, уставя морду в землю, стояло бородатое чудовище саженого роста, с изогнутыми рогами, от конца до конца имевшими больше сажени. Это, без сомнения, был бык, но какой бык! Его рост лишь немногим не достигал роста слона!

Отступать было поздно, потому что гигантский бык, казалось, только и ждал появления

Николки. Он вихрем сорвался вперед, едва тот успел вскинуть винтовку. Николка наспех выстрелил и юркнул за дерево. На быка выстрел произвел лишь моральное действие, заставив его остановиться и в недоумении покрутить рогатой головой. Попала ли пуля в цель или не попала, стрелок не знал; но в следующий момент животное обрушилось на остолбеневшего Скальпеля. Если бы не Керзон, осиротел бы фабзавук в первобытном лесу... Несколько шагов оставалось исполину до несчастного медика, и в это время в жирный круп его врезались полуторавершковые клыки. Бык растерялся: он был окружен неприятелем с трех сторон; на которого из них броситься? Инстинкт подсказал ему, что самый опасный тот, что за деревом, тот, от которого исходили гром и молния, но неприятель, напавший сзади, был еще более опасен, так как висел на нем, вцепившись глубоко в мясо. Бык перевернулся на месте, рогом стараясь достать зубастого врага. Однако это не помогло. Так же не помогло и ляганье, потому что длинная нога никак не могла достать копытом висевшую непосредственно на крупе и не разжимавшую челюстей собаку. Окаменевший Скальпель с жутким интересом следил за исходом борьбы, совершенно забыв, что он теперь без брюк и что представилась редкая возможность показать свое искусство в беге. Николка ловил момент, удобный

для выстрела. Когда разъяренное животное с зловещим ревом снова обернулось, чтобы зубами уже достать собаку, он выстрелил ему в ухо. Эффект был полный: бык мгновенно обрушился на морду, потом перевернулся навзничь. Умная собака вовремя разжала зубы и отпрыгнула в сторону.

— Тур... — сказал Скальпель, когда Николка с лукавой улыбкой подходил к нему.

— Что?

— Тур, или ур, говорю, — бормотал ученый медик.

— Ничего не понимаю...

— Проще пареной репы... Бык, говорю, называется туром, или уром... Таких больших быков не существует больше в Европе. Последний из них был убит вблизи Варшавы в 1637 году... Некоторые теперешние быки происходят от этой дикой породы, но они значительно изменились по внешнему виду...

— Ага... — догадался Николка. — Палеозоология?

— Да-да. Тур, или ур, запомните. Юлий Цезарь описал его в свое время, около 2000 лет тому назад. «Тур немного меньше слона, — говорит он, — вообще походит на быка, отличается большой силой и проворством. Его никогда нельзя приручить. Он не щадит ни животного, ни человека, которые попадают ему на глаза. Убить

тура — высшая честь для германца... Рога его, украшенные серебром, служат чашами на их пиршествах»...

— Большими пьяницами были германцы, если пили из таких чудовищных чаш, — глубокомысленно заметил Николка, отходя к собаке, которая за время короткой лекции врача успела добраться до внутренностей тура.

По скальпельским часам шел 6-ой час вечера, и друзья единогласно решили, что им также пора закусить.

Пока Скальпель возился над филейной частью тура, Николка собрал сухого валежника и хвороста и развел костер, воспользовавшись для этой цели своей патентованной зажигалкой. Керзон, наевшись до отвала, лежал около, положив морду на передние лапы и внимательно наблюдая за действиями двуногих, но как только в воздухе зазмеился легкий дымок, он тревожно поднялся, готовый каждую минуту к бегству. Вспыхнувший огонек заставил его завывать и отпрянуть в сторону. Николка подозвал собаку и приказал ей лечь на старое место. Та послушалась не сразу; шерсть на ее спине продолжала нервно дрожать.

— Не знакома еще с огнем, — сказал Скальпель, любивший всех опережать, — то есть она знает его, но лишь как грозное стихийное явление, а не как ласковый огонек домашнего

очага... Делайте отсюда нужный вывод.

Друзья поджарили добрый кусок мяса, держа его на конце сванидзевского кинжала прямо над огнем. Запасливый врач нашел в ободранном своем пиджаке пакетик с солью. Мясо первобытного тура очень пришлось им по вкусу, и завтрак вышел на славу.

Воспользовавшись отвлечением внимания, Керзон отполз-таки от костра и лег в стороне, не спуская тревожных глаз с игриво-коварного пламени. Его не столько пугало непонятное явление огня, сколько дым раздражал обонятельные нервы и портил обоняние.

К концу завтрака внимание повеселевших путешественников было привлечено грозным рычанием Керзона. Он встал на ноги и жадно втягивал в себя воздух с той стороны, куда лежал их путь. Николка схватился за винтовку. Скальпель нырнул в дупло гнилого пня.

Керзон вел себя весьма странно: юлил беспокойно вокруг фабзавука, судорожно-сдавленно лаял и искал укромного местечка, где бы можно было последовать примеру старшего двуногого. В конце концов, он все-таки остался около человека с громоносным оружием.

Спустя несколько минут послышался оглушительный рев, похожий на звук гигантской трубы, грузный треск валежника и гул сухой,

потрескавшейся почвы.

— Спрячьтесь, мой друг, — высунул нос из своего прикрытия ученый медик, — это, должно быть, взбесившийся мастодонт.

— Тогда он раздавит вас вместе с пнем, — резонно возразил Николка.

— И то, — сообразил храбрый Скальпель, — уж я лучше спрячусь за дерево...

Но он не успел привести в исполнение своих слов, успел только покинуть пень и присоединиться к фабзавуку.

Словно буря разразилась в тысячелетнем бору... Сотрясая до верхушек окрестные деревья-исполины, а мало-мальски подгнившие и молодые уничтожая и кроша, напрямик на друзей вынеслось взбесившееся животное около полутора сажен ростом и в длину больше двух сажен. Видом своим оно походило на слона, но короткий хобот и бивни, круто загнутые к земле на его нижней челюсти, говорили, что это не слон.

— Динотерий! — сообразил Николка и, без всяких церемоний сграбастав в охапку начинавшего окаменевать врача, скрылся с ним за ближайший надежный ствол. Собака последовала за ними.

На спине динотерия, впустив зубы в его мясо, сидела громадная кошка с красной шкурой, украшенной черными пятнами; со спины гиганта ручьями сбегала кровь.

Едва только зверь поравнялся с деревом, за которым укрывались друзья, кошка сделала грандиозный прыжок и спружинила на всем лету к туше убитого быка. Освобожденный динотерий унесся, подобный лавине, а красный хищник остался на туше, подозрительно оглядываясь по сторонам.

— Это махайродус, — шепнул Скальпель, — злющее животное.

Николка навел винтовку на любителя легкой поживы и не заметил, как мимо его ног неслышно скользнула разъяренная собака.

Махайродус, завидев противника, прижался к трупу быка и обнажил клыки. Это было страшное оружие: клыки далеко выступали за челюсти — два сверху и два снизу — каждый из них имел около трех вершков! Собака была выше хищника и сильнее его по телосложению, но клыки ее пасовали.

Прежде чем Николка успел выстрелить, враги сцепились. На стороне собаки, кроме ее силы, стоял ум, — прекрасно вооруженная кошка отличалась безрассудством. Она сверкнула в воздухе красной лоснящейся шкурой, целя клыками в загривок собаки. Загривок мгновенно убрался, и саблевидные клыки звякнули впустую...

— Стреляйте, — не терпелось Скальпелю, потому что место действия пододвинулось к ним

почти вплотную: долго ли отвратительной кошке между делом перехватить пополам человеческую ногу!

Николка боялся зацепить собаку, которая сама перешла в наступление. Она прыгнула не хуже махайродуса, но ее слабые, вследствие долгой неподвижности, ноги не выдержали собственной тяжести, и она тяжело упала, ткнувшись мордой в землю. Во мгновение ока хищник был на ней. Почему-то ему не удалось сразу вонзить своих сабель в чужой позвоночник, и оба зверя покатались остервенело ревушим клубком к подножию убежища друзей. В течение трех следующих минут ничего нельзя было разобрать: клубок катался, пятная землю кровавыми цветами, летели клоки красной и белой шерсти, хриплое рычание переплеталось с прерывистым ревом. Потом собака снова очутилась под хищником; из всех органов тела единственно подвижным у нее была голова с обнаженными клыками, но зато какая это была подвижность! Везде, куда только хищник ни направлял своих сабель, он встречал неизменно мощную пасть собаки... Обе головы были окровавлены до глаз...

Когда Николка заметил, что челюсти Керзона щелкают уже с меньшей энергией, он решил выступить. Как раз кровавый клубок в это время подкатился к самому дереву, и махайродус

находился спиной к нему. Николка выставил левую руку, поймал хвост хищника и изо всех своих непечатых сил дернул за него, — правой рукой — прикладом винтовки — он оттянул по зубам перевернувшуюся к нему в тот же миг зловещую пасть. Было слышно, как треснули клыки от этого удара, и к корням дерева полетело два трехвершковых кинжала... Собака, воспользовавшись последним моментом, вскочила на ноги и мертвой хваткой вгрызлась в шею хищника, в место соединения затылка с позвонками. Жалевший заряда, Николка прикладом добил извивавшуюся в агонии кошку. Все-таки она успела агоническим движением всадить в его грудь стальные когти.

— Ну зверь! Ну зверь!.. — пыхтел Скальпель, осторожно обходя не подававшую признаков жизни, но все еще скалившую зубы кошку. — Дорого бы я дал, чтобы нам не пришлось впредь встречаться с таким зверем...

Потом... став в позу, ученый медик прочитал следующую главу из палеозоологии:

— Мой молодой друг! Махайродус — страшное животное, из семейства кошек, появившееся на земле в начале третичного периода. Своей величиной и убийственным вооружением оно превосходило даже льва и бенгальского королевского тигра. Высшего расцвета род

махайродуса достигал в последующую за плиоценом дилювиальную эпоху — эпоху обледенения, затем он как-то сразу вымер. Причина его вымирания загадочна и непонятна, ведь более слабые львы, тигры и пантеры остались жить вплоть до нашего времени. Единственно, что можно предположить для объяснения этого странного вымирания, это то, что махайродус был истреблен первобытным человеком, который, вероятно, объявил ему войну за его безрассудно-хищнические наклонности и за клыки, могущие служить и человеку прекрасным оружием...

Дождавшись паузы, Николка сказал строго:

— Точка! — и безмолвно указал Скальпелю на свою кровоточащую грудь и на израненную собаку.

Тут Скальпель показал, что он не только говорить может, но и действовать. Из одного кармана своего универсального пиджака он извлек врачебно-хирургический набор, из другого — ящичек с медикаментами.

Сделав перевязку обоим пациентам и заметив Николке: «теперь вы можете схватить горячку», ученый медик зорко осмотрелся и, не видя больше объекта для своей плодотворной деятельности, откашлялся и непринужденно встал в позу.

— Динотерий, — начал он, — появился на земле...

— ...в начале третичного периода, — продолжал за него Николка, принимая ту же непринужденную позу.

Скальпель оскорбленно заморгал глазами и едко произнес:

— Ну-ка, ну-ка! — Только, мол, соврите, я вам совру...

Но фабзавук если что читал, то читал основательно и прочитанное помнил крепко. Он поднял брошенную перчатку и, не меняя позы, продолжал уверенно:

— Самым громадным наземным млекопитающим, когда-либо жившим на земле, можно считать динотерия. Хотя наш экземпляр, заставивший всеми уважаемого доктора, имярек, укрыться в гнилом пне, достигал только величины мастодонта, но при раскопках в земле попадались и более значительные экземпляры. В средние века кости динотерия очень часто принимались за кости какого-нибудь «святого угодника» и как таковые показывались народу за известную мзду...

— Не читал... — пробормотал Скальпель. — Я знаю подобное относительно костей мастодонта, но динотерия... Не читал...

Николка же, соврав ради «агитационного» эффекта, как ни в чем не бывало катился дальше:

— Ошибочно думать, что динотерий является прародителем слона. Это совершенно

самостоятельная ветвь в мире первобытных млекопитающих. Он столько же похож на слона, сколько и на древнего тапира, т. е. на животное, близкое к свинье. Недаром же знаменитый ученый Кювье назвал динотерия исполинским тапиром. Его долго принимали — и тоже ошибочно — за морское животное. Ошибка эта лежала в сходстве челюстей и зубов динотерия с таковыми же у морской коровы. Но когда был найден полный скелет динотерия, ученые раз и навсегда признали в нем травоядное наземное животное. Наивысшего своего расцвета динотерий достигал в начале плиоцена, а затем почти внезапно — и загадочно в высшей степени — вымер. Можно предположить, что причина его вымирания лежит в первобытном человеке, с особенной любовью истреблявшем это животное. Я кончил.

— Нда-а... — протянул обескураженный Скальпель. — Все хорошо, но вот относительно причин вымирания. Человек-то, конечно, — человек, но необходимо еще принимать во внимание, что и сам динотерий представлял собою в высшей степени неприспособленное животное, слабо защищенное, а жил он как раз в эпоху расцвета гигантских медведей, львов и кошек... Любая жалкая кошка могла с ним сладить...

С последними словами Скальпель небрежно ткнул ногой труп окостеневшего махайродуса.

Стемнело значительно, — так, что близорукий медик не один раз вместо Николки адресовал свой вопрос к близ стоящему дереву. Вырезав из туши быка — про запас — некоторое количество мяса, друзья подозвали собаку и отправились искать защищенного места для ночевки. Вместе с темнотой родилась новая лесная жизнь — из всех потаенных мест вылезли ночные чудовища. Отвратительный хохот гиен, гнусавый вой шакалов, яростный лай диких собак, раздирающее уши мяуканье кошек, леденящее кровь рыканье львов и рев исполинских медведей создали вокруг такую «жизнерадостную» музыку, что у Скальпеля на ходу дрожали колени, а рука фабзавука крепче сжимала винтовку.

Пришлось бы им заночевать где-нибудь под деревом, если бы из-за туч внезапно не выскочила полнолицая луна. Благодаря ее свету Николка заметил, что в одном месте леса густоветвистая крыша будто продырявилась. Туда он и взял направление.

Почва становилась каменистой; редели деревья; полнолицая луна стала чаще заглядывать на бледные лица ночных странников. Разноголосое зверье осталось где-то позади, — может быть, у трупа быка. Ровная площадь леса вскоре сменилась гористой, деревья совсем поредели. Друзья вышли в полный лунный свет.

Невдалеке возвышался каменистый утес, отражавший на себе лунные блики. Чей-то припадающий к земле силуэт прынул в сторону, когда они подходили к утесу. Собака не уделила ему никакого внимания, и Николка смело направился к черной впадине в отвесной стене утеса.

Края ниши были гладко отполированы и блестели при луне. Николка вскарабкался к отверстию. Два человека рядом могли поместиться в нем. Запалив зажигалку, он вошел внутрь; пахло специфическим едким запахом медвежьего логова; бросились в глаза многочисленные белые кости на полу. В потолке пещеры — трещина, через нее изливался лунный свет. Внутренние размеры пещеры могли бы вместить более десятка человек.

— Великолепное жилище! — крикнул Николка окаменевшему на всякий случай Скальпелю. — Хозяина дома нет. А санитария здесь соблюдена: в потолке вентиляция.

Скальпель разокаменел и, ворча, влез в отверстие.

Несмотря на предубеждение, убежище понравилось и ему. Только когда Николка собирался идти за хворостом для костра, он, найдя пещеру недостаточно защищенной, попросил придвинуть к входу ее большой овальный камень, лежавший в пещере. Совместными усилиями

камень был придвинут, и теперь Николка насилу протиснулся из пещеры наружу.

Скальпель не сидел без дела. За время отсутствия своего друга он сгреб к одному месту, ближе к выходу, все кости, но не выбросил их, решив предварительно познакомиться с ними при свете огня.

Через несколько минут задорный огонек плясал в убежище друзей, сразу придав ему домашний вид. Собака лежала подле младшего двуногого, распорядившегося коварным огнем, как с молодым игривым щенком. Николка на кинжале жарил мясо; когда огонь подбирался к его голым рукам, собака сердито рычала и отодвигалась от костра вместо чародея двуногого. Скальпель, как некие драгоценности, перебирал кости; осмотрев каждую самым тщательным образом, он выбрасывал ее из пещеры с глубоким вздохом. Кости оленя, лося, овцы, быка, лошади, тапира, свиньи и слона были уже им названы, и вдруг — крик возмущения:

— Смотрите: «он» задрал человека!..

Скальпель держал в руках человеческий череп, и руки его дрожали.

Впрочем, негодование ученого медика скоро сменилось «ученым энтузиазмом».

— Этот человек, — воскликнул он, — стоял по развитию выше питекантропа! Знаете ли вы, мой

друг, что такое был питекантроп?..

— Знаю, — отвечал фабзавук, — это — существо, стоявшее на грани между обезьяной и человеком. Внутренний объем его черепа равнялся 900 куб. сантиметров, тогда как соответствующий объем человекообразной обезьяны равен всего 400, а человека — 1500.

— Правильно! — вскричал Скальпель, и его нос оросился крупными каплями пота. — Теперь я вам скажу, что этот череп вмещает в себя около 1000 куб. сантиметров... Мы не напрасно пустились с вами в рискованное путешествие! Мы увидим зарю человечества! Мы изучим ее не по книгам, а по подлинной жизни! Ура! Да здравствует ги..!

Тут ученый медик оборвал.

— Вы что это хотели сказать? — подозрительно спросил его Николка.

— Я... тово... этово... — залопотал смущенный почему-то Скальпель. — Я хотел сказать — как это у вас кричат? Да... «Гип-гип-ура»...

— Ага, — кивнул головой Николка, — продолжайте дальше.

Не удовлетворившись одним черепом, Скальпель выбрал из кучи костей все кости человеческого скелета и опять заволновался:

— Хотя здешний обитатель — я

подразумеваю обитателя этой пещеры, — хотя он подлец и изверг, каких мало, так как задрал человека, все же я не могу не отдать ему должной благодарности... Он доставил мне целый скелет первобытного человека... Смотрите, этот человек держался совсем прямо — не как обезьяна, полусогнувшись, а как настоящий «гомо сапиенс», что, в переводе с латинского, значит: «мыслящий человек». Правда, его физиономия не ушла далеко от звериной морды, и, по всей вероятности, он был покрыт с головы до пят шерстью, и все-таки это — настоящий человек: его челюсти не имеют звериных клыков — раз, его бедренные кости строги и прямы — два, его таз — таз прямоходящего существа — три... Ура-ура! Гип-гип!..

3

Николка бунтует. — Скальпель устраивает демонстрацию с одним ботинком на ноге. — Утренняя экскурсия Николки. — Явления в долине. — Охота на гиппарионов. — Николка вспоминает армию Буденного. — Аметистовый питон. — Скальпель читает лекцию мастодонту

— Ну, знаете что? Я больше не намерен с вами странствовать, — сказал Николка.

Да, это сказал Николка — хмурый, невыспавшийся и злой, сказал своему старому другу — медику Скальпелю, который только что восстал ото сна, хотя по собственным его часам время перевалило за полдень.

— Позвольте! Позвольте!.. Что же это такое?! Вы, конечно, шутите! — вскричал Скальпель, натягивая на ногу ботинок.

Действие происходило в медвежьей пещере. Николка, выпалив свои убийственные слова, не медля ни секунды, оставил спертую атмосферу ночного убежища; врач в одном ботинке кинулся за ним.

— Позвольте! Позвольте! Надо ж объясниться! В чем дело? — вопил он.

— Дело вот в чем, — зачеканил фабзавук, не глядя на медика. — Вот в чем. Или вы объясните мне сейчас же, каким таким образом мы переселились в этот первобытный мир, или вы не объясните... и тогда я покину вас, чтобы странствовать сепаратно...

С последними словами Николка нечаянно фыркнул, но далее продолжал с прежней суровостью:

— Я — материалист, как вам известно, вы же своей чертовщиной путаете мне голову...

Первобытного мира на земле не существует, это — истина, и даже, если бы он существовал — предположим на секунду такую чушь — то ведь мы с вами из комнаты никуда не выходили. Я отчетливо помню, как вы все время сидели на моем газетном диване с ногами (что весьма не гигиенично), и только в последний момент сползли с него. В свою очередь я не покидал своего стула. Следовательно, если бы даже на нашей земле существовал уголок, где остались бы со времен плиоцена ископаемые звери и растения, то мы бы ни в коем случае не могли туда попасть не выходя из комнаты. Просто?

Собственно говоря, последний вопрос Николка адресовал самому себе, но ответил на него Скальпель с растерянной улыбкой:

— Проще пареной репы...

— Тогда вы должны мне сейчас же объяснить, в чем здесь дело.

Скальпель, загадочно улыбаясь, молчал; его улыбка подмывала на дерзости.

— Прощайте! — Николка круто развернулся на пятке и зашагал по направлению к лесу. Собака последовала за ним.

— Позвольте! — крикнул Скальпель.

— Ну? — обернулся Николка.

— Вы забыли взять винтовку.

— У меня кинжал.

— Позвольте! — крикнул еще раз Скальпель.

— Ну? — опять обернулся Николка.

— Вы в какую сторону пойдете?

— А вам какое дело?

— Я пойду вместе с вами...

— Мы пойдем вместе лишь в том случае, про который я имел честь докладывать...

— Но ведь вы не можете запретить мне идти вместе с вами!

И Скальпель, как был в одном ботинке, важно зашагал вслед за фабзавуком. Он догнал его, и некоторое время друзья шли погруженные в гробовое молчание. Потом проронил угрюмо Николка:

— Вы забыли надеть второй ботинок..

— Черт с ним! — беспечно отвечал медик, из-под очков сверкая лукавыми глазами. — Что значит один ботинок, когда я могу потерять друга, а он меня?

Николка не выдержал роли и рассмеялся.

— Вот что, — сказал он, — наплевать мне на ваши объяснения. Хотите говорите, хотите нет. Я буду принимать жизнь такую, какая она есть, т. е. не мудрствуя лукаво... Я, собственно, и не имел в виду бросать вас на произвол стихий... стихий, которые, к слову сказать, вами же и были вызваны. Вы мне только скажите: долго ли вы намерены путешествовать, и есть ли выход из этого чудесного

мира обратно, в XX-й век?

— Есть! Есть! — с готовностью на большее отвечал Скальпель. — А насчет конца нашего путешествия все зависит от вас: надоест, — скажите слово, и мы снова будем в вашей комнате. Может быть, уже надоело?

— Нет, — отвечал Николка, — мне — так же, как и вам, — хочется увидеть двуногих обитателей этой эпохи.

— Вот славно! — Медик расчувствовался и крепко пожал Николкины руки. — Я горд тем, что вами руководит та же идея, т. е. научная. Я...

— Ну-с, — прервал фабзавук изливания врача, — а вы мне все-таки объясните когда-нибудь это переселение?

— Объясню, — торжественно произнес медик. — Как только очутимся в вашей комнате — объясню...

— Даете слово?

— Даю... И могу поклясться своими брюками, оставшимися на колючках.

Ввиду столь серьезной клятвы Николка успокоился.

— Ладно, — сказал он, — а теперь идите обратно и ждите меня в пещере, я к вам приеду.

— Что-о?!

— Да-да, приеду...

— То есть, на чем?

— Увидите.

— Гм... — покрутил носом медик. — Долго я вас должен ждать?

— До тех пор, пока я не прибуду в пещеру... Собака пускай останется с вами, винтовка — тоже. Советую вам заняться раскопками. Вы, кажется, высказывались, что в полу нашей пещеры можно найти много интересного?

— Да-да, я займусь раскопками, — с увлечением вскричал Скальпель, сразу забывая о размолвке. — Там уйма научного материала... Идите себе и можете до вечера не возвращаться...

— Забаррикадируйтесь получше, — посоветовал Николка, — чтобы вас не слопал во время ваших раскопок какой-нибудь любитель человеческого мяса...

Прятели расстались довольные друг другом. Один, с улыбкой на лице, в предвкушении научных открытий, пошел к пещере, другой, усмехаясь, отправился к лесу. Керзон, поколебавшись, вернулся за врачом, когда Николка прогнал его от себя, — кстати, на старшем двуногом теперь висела винтовка, а это что-нибудь да значило в собачьей психологии.

Весь план бурного объяснения был придуман Николкой еще во время бессонной ночи. Им он хотел добиться от ученого медика интригующего его признания. Но в план этот, конечно, не входил

разрыв приятельских отношений и оставление беззащитного Скальпеля на волю хищного зверья... А сейчас Николка шел вот куда...

На заре, когда ученый медик еще спал, он вышел из пещеры освежиться и побродить. Недалеко от пещеры находился крутой обрыв. Внизу расстилалась роскошная зеленая долина, дремучие леса на высоте десяти сажен окаймляли ее с двух сторон. В долине сверкала змеистой полоской речушка, и многообразная жизнь трепетала вокруг — в кустарниках и на лугах. Николка заметил стадо игривых лошадок непосредственно под обрывом; здесь трава была особенно густа и сочна. В стаде выделялся своей красотой и силой вожак и ходившая с ним кобыла. Олень, в панике примчавшийся откуда-то, спугнул все стадо, оно колыхнулось, как море под напором урагана, — впрочем, тотчас же и успокоилось. Потом Николка заметил странное явление: исчезли вожак и его ближайшая возлюбленная, все стадо сгрудилось в одно место, жалобное призывное ржание стали испускать более пожилые члены его. Николка догадался, что две лошади провалились в какую-то яму. Выждав, когда осиротевшее стадо примирилось с потерей и отошло от места катастрофы, он срезал в лесу три длинные и тонкие лианы без шипов, сплел из них надежную веревку и спустился с обрыва вниз. Прополз по крутому

откошу сажень десять, пока нога не коснулась зеленой муравы. Он скоро нашел коварную яму, хорошо замаскированную густым кустарником. Это был естественный водоем, во время весенних потоков наполнявшийся водой. На дне, на груде истлевших костей, прижавшись друг к другу, стояли вожак-жеребец и его подруга. Они были невредимы, но выбраться из ловушки не могли, так как стены ее были почти отвесными, а глубина достигала сажени полторы. При виде лошадей у Николки блеснула мысль, и он ее поймал: вместо того, чтобы медленно брести по горам, лесам и долинам первобытной земли на своих двоих, почему бы ему со Скальпелем не завести себе экипажа? С этой мыслью он вернулся к пещере, но у входа вдруг вспомнил о своем ночном плане и порешил — раньше выполнить его, а потом говорить о проекте. Плана он не выполнил, наткнувшись на загадочное упрямство медика; в отместку он решил не говорить ему ничего о лошадях и обойтись без его помощи при выполнении проекта.

Теперь он шел к обрыву.

Выбрав еще с десятков длинных и гибких лиан, он во второй раз спустился вниз. Из лиан получились хорошие веревки, они-то и нужны были фабзавуку.

Лошади оставались на том же месте, — это

были не лошади, а скорей плиоценовые предки их, так называемые гиппарионы, потому что ростом они не отличались большим, а на ногах имели по три пальца; все пальцы были покрыты копытцами, но только средние из них касались земли. Одним словом, перед Николкой находились ископаемые гиппарионы. Фабзавук сделал петлю из лианной веревки и, не размышляя много о разнице между лошадьми и гиппарионами, ловко закинул ее на шею вожака. Конечно, если бы сам пленник не делал усилий оставить яму, никогда бы фабзавук не извлек его на свет белый. Вербка трещала, но не рвалась. Зная, что на ровном месте самый премированный атлет не удержит лошади, Николка второй конец веревки закрепил предварительно вокруг ближайшего дерева. Гиппарион вылез из ямы и метнулся в сторону. Ловец выпустил веревку, в твердой уверенности, что она выдержит рывок лошади, но... она не выдержала... Издав победоносное ржание, вожак отправился разыскивать опекаемое им стадо, волоча за собой трофеи в виде оборванных лиан...

— Дурак! Болван! Идиот! — ругал себя Николка. — Откуда только такие дураки на свет появляются? Ну, разве можно было довериться одной веревке? Нужно было сделать две, три, а он... Эх, балда!..

С сокрушенным сердцем он приступил к

извлечению второй лошади — красивой и полосатой, как зебра — «гиппарионши». На этот раз на шею животного упали три петли, и сами веревки были значительно укорочены, чтобы лошадь, очутившись наверху, не могла сделать большого разбега. Кобылка поднималась из ямы с большой охотой; можно было думать, что она хорошо понимала роль веревок. Но, почуяв волю, она забыла о них и, подобно своему возлюбленному, рванулась с места в карьер — подальше от коварной ямы. Однако лианы на этот раз не сдали, — петли затянулись на шее животного так, что у него глаза вылезли из орбит и дыхание из широко раскрытого рта стало выходить с хрипом. Полузадушенная лошадь упала на колени. Николка сорвал с себя трусики, извлек из ножен кинжал и, подкравшись к кобыле сзади, вскочил к ней на спину; вторым движением его было перерезать кинжалом веревки, натянувшиеся, как струны. Лошадь, все еще лежа, вздохнула полной грудью и вдруг сообразила, что на ее спине находится инородное тело — двуногий спаситель. Вскочивши молниеносно на ноги, она попробовала сбросить его, но тот словно прилип — недаром три года прослужил в коннице Буденного. Дикие пируэты и выкрутасы взбесившейся кобылки доставляли ему громаднейшее удовольствие. Не будучи в силах сдержать буйного восторга, он даже выпустил из

своей глотки нечто похожее на ржание жожака-жеребца...

Убедившись, что пируэты ничуть не помогают, лошадь обернула оскаленную морду назад, к смуглой ноге неунывающего всадника, но получила в зубы такой удар кулаком, что, света не взвидя, понеслась стрелой по долине, вдоль реки, на простор необъятных лугов... Неожиданные повороты и резкие скачки, предпринимаемые ею из стратегических соображений, веселили Николку до колик в животе. Он тут же нарек своего резвого Пегаса «Живчиком» и твердо решил взять его с собой в ХХ век, чтобы подарить его от имени всего завода спортивному обществу «Пролетарий». В этом обществе состояла вся заводская молодежь его района, состоял и он сам, как выдающийся физкультурник... Да, это будет номер, когда он явится на завод черный, как негр, и верхом на необыкновенной полосатой лошади! Только... согласится ли Скальпель взять ее с собой?..

Выехав на ровное место, Николка разрешил совершенно укрощенной лошади идти, как ей хочется, и она понеслась упругой иноходью, обгоняя попутный ветер.

Сидя, как в удобной люльке, всадник размечтался, но обстановка первобытной жизни, как ему вскоре пришлось убедиться, совершенно не благоприятствовала мечтанию. Лошадь вдруг

шарахнулась в сторону. Потом, вытянув голову вперед, застыла в каком-то болезненном оцепенении. Они снова въезжали в долину; густые кустарники со всех сторон закрывали горизонт. Николка не сразу разглядел причину своей задержки, а когда разглядел, почувствовал приступ озноба, невзирая на солнечное пекло...

На расстоянии десяти метров от них, свернувшись в гигантские кольца, лежала чудовищной длины и толщины змея. Она была красива своей голубовато-пепельной кожей, с пятнами светлого аметиста, и ужасна — громадной головой с хищно горящими круглыми глазами и загнутыми внутрь шилообразными зубами. Глядела она, без сомнения, на лошадь и на всадника, гипнотизируя их своим неподвижным, тяжелым взглядом. Что касается лошади, то это ей вполне удалось. Николка же схватился за отточенный кинжал — животный гипноз на него не действовал.

Змея, казалось, не двигалась, но переливающаяся в лучах солнца аметистовая кожа говорила за то, что движение совершалось, хотя и крайне незаметно.

Живчик наотрез окаменел, и Николка, несмотря на весь ужас положения, отметил с юмором сходство в характерах между его новым другом и старым. Вступить в бой он не чувствовал ни малейшего желания и готов был, пожертвовав

конем, задать жару. Не зная о способности гигантских змей совершать грандиозные прыжки, он беспечно ждал только того момента, когда враг приблизится к нему достаточно близко, чтобы, прежде чем удрать, пустить в него свое метательное оружие.

Когда расстояние между ними сократилось до пяти метров, в шею змеи полетела с неумолимой точностью каленая сталь.

Победа Николке досталась удивительно легко: кинжал, пущенный спокойной рукой, пронзил шею змеи через горло и позвонки... Гигантские кольца развернулись с молниеносной быстротой, аметистовая голова конвульсивно забилась у самых ног лошади... Лошадь дернулась вбок, чуть не свалив всадника, и помчалась, не разбирая дороги... Стоило больших усилий остановить ее и вернуть обратно к трупу змеи — Николка совсем не хотел терять своего единственного оружия.

Змея лежала, вытянувшись во весь рост, и занимала в длину больше 10-ти метров; толщиной она была с тело человека...

— Питон... — вспомнил Николка название змеи. — Аметистовый питон... Подобные ему и до сих пор водятся в Ост-Индии, но, кажется, не имеют таких гигантских размеров... Ах, как жаль, что здесь нет Скальпеля!.. — вздохнул он. — Не мешало бы сейчас выслушать хорошенькую лекцию

на «питонью» тему...

С большими предосторожностями он слез с трепетавшей лошади и спутал ей ноги, не доверяя ее привязанности. И даже этого ему показалось мало: новой лианой он привязал ее к дереву.

Извлекая кинжал из толстой шеи питона, фабзавук подивился его плотной и крепкой коже.

— Недурно было бы из этой кожи сделать седло, — решил он и, не откладывая решения в долгий ящик, тут же содрал со спины питона широкую и длинную полосу. Свернув кожу в трубку, он привязал ее к себе за спину и двинулся в обратный путь.

Издали еще он услышал мерный голос, диктовавший что-то или произносивший лекцию. Ни в каком случае голос не мог принадлежать первобытному человеку, но ученому медику Скальпелю — да...

Уже сильно потемнело. При свете луны вырисовывался силуэт громадного мастодонта, а возле него, непосредственно под длинными прямыми бивнями, — силуэт ученого медика с очками на носу, с берцовой человеческой костью в руках и в нижнем белье.

— Итак, мой молодой друг, — наставительно обращался к мастодонту медик, — вы, несомненно, живете на заре человечества, в первобытной эпохе, именуемой плиоценом...

Мастодонт в знак понимания дружелюбно помахивал хоботом.

— Я — первый, проникший в седую громаду веков. Я — первый разгадал и установил связь между деятельностью первобытного человека и вымиранием известных видов животных. Я — тот, чье имя будет занесено золотыми буквами в скрижали всемирной истории. Поэтому рекомендую вам относиться ко мне с уважением, приличествующим моему ученому сану и вашей солидности... Ну, а теперь отнесите меня в пещеру, ибо я, при всей своей учености, продолжаю оставаться простым смертным и, как таковой, не только хочу спать, но и кушать.

Изумление Николки выперло через всякие рамки, когда исполин-мастодонт, осторожно, почти нежно, обхватив медика хоботом, понес его к пещере.

— Тише, тише, Малыш, — на ходу увещевал его медик, — имей в виду, что, если ты хоть чуточку оцарапаешь меня, вернется Николка и отрежет твой глупый хобот...

4

*Болезнь Николка. — Горячечные видения. —
«Трюки» ученого медика. — Метаморфоза*

пещеры. — Омоложенный Скальпель. — Учитесь доить коров! — Кража кузнечного молота. — Скальпель рассказывает про свои таланты. — Возврата в XX век нет! — Друзья спорят на политическую тему. — Пари

Николка тяжело заболел, рана на груди нагноилась, и горячка, которой опасался медик, пришла со всеми своими последствиями. В первую же ночь после пленения гиппариона он слег. Бессознательное состояние продержало его у себя в плену в течение трех недель; краткие периоды сознания приходили изредка, но они еще более увеличивали тематическое содержание горячечных кошмаров.

Больной не понимал ни обстановки, ни своего состояния, ни странной, как ему казалось, деятельности врача, и, не отрываясь от бредовых галлюцинаций, продолжал думать, что бредит. Эти разумные проблески, поражавшие его больше, чем все вместе взятые горячечные видения, остались у него в памяти навсегда, и, выздоровев, он мог по пальцам пересказать все сюжеты, несомненно вырванные из действительности, касавшиеся загадочного поведения медика.

Однажды он видел, как Скальпель — совершенно голый, лишь в одном передничке — ползал в пещере на четвереньках и размазывал по

полу густую серую грязь, — конечно, улыбаясь при этом загадочно. В другой раз тот же Скальпель с той же улыбкой принимал через отверстие в пещере от змеевидной руки прессованную в диковинные кирпичи глину и складывал ее в углу пещеры. В третий раз он же болтался на аляповатых пристройках под самым потолком пещеры у дымового отверстия и что-то мастерил. Похоже было на то, что он ломал потолок.

Николка мог насчитать до десяти «трюков», которые ученый медик выполнил за время его болезни. Но особенно памятен ему был момент пробуждения; воспоминания о нем тоже остались навсегда.

Больной пришел в себя «по-настоящему», то есть после этого не впадая уже в бред, ночью. Он сразу вспомнил о стычке своей с махайродусом, о поимке Живчика и о последующей болезни, но сколько времени пролежал, не знал. Сквозь отверстие в потолке лился меланхолический свет перекосившейся луны. В этом еще не было ничего особенного. Луна и раньше, до болезни Николки, в пещеру заглядывала угрюмо и с перекошенной физиономией. Но тогда ее перекошенность «не выходила за пределы нормы», как говорил Скальпель; это была перекошенность ущербленной луны. А теперь? Теперь она, несомненно, страдала флюсом...

«Надо сказать Скальпелю, — подумал Николка, — кажется, согревающие компрессы помогают от флюса... я что-то в этом небольшой знаток...»

Собственно, состояние ночного светила его заинтересовало, так сказать, чисто академически, — постольку, поскольку раньше он не замечал у луны склонности к человеческим заболеваниям. Дело было не в луне. Поразило Николку другое: отверстие в потолке было значительно расширено — по крайней мере в десять раз — и имело почти правильную четырехугольную форму... Над последним стоило призадуматься.

Николка помнил, что в перерыве между галлюцинациями он видел Скальпеля болтающимся у потолка и ковыряющим его металлическим инструментом, похожим отчасти на долото. Неужели окно в потолке — дело рук Скальпеля? Интересно, черт побери! — ученый медик занимается пробуриванием в камне окон! Скальпель работает не скальпелем, а долотом?! Ха-ха!..

Когда же очнувшийся впервые после трехнедельного небытия больной перевел взгляд с потолка на стены, он поразился еще более. Стены были тщательно обтесаны, почти отшлифованы и почти безукоризненно выбелены. Кроме того, против входа к стене было прикреплено чучело

растопырившего крылья самца-фазана...

Николка передвинул изумленный взгляд ниже, и его ослабленная болезнью голова совсем отказалась вмещать в себя чувства изумления. В пещере стоял почти изящный стол, накрытый чем-то почти белым, и рядом с ним два колченогих стула. Еще дальше стояло нечто похожее на шкаф, а в самом углу — массивная койка, впитавшая в себя тело почтенного медика...

— Ай да Скальпель! Ну ловкач! — в последний раз изумился Николка и до утра окунулся в глубокий сон.

Утром он проснулся с сознанием, что его ожидает нечто необыкновенное. Чтобы приготовить себя к нему, он не сразу открыл глаза и не сразу обнаружил признаки своего выздоровления. Сначала — очень осторожно — он ощупал кожей спины свое ложе; это был роскошный густой мех, а в головах, несомненно, покоилась подушка из пуха и пера или, во всяком случае, из чего-то необычайно мягкого. Его ничто не покрывало, да и надобности к тому никакой не ощущалось: воздух в пещере был сухой и теплый.

Николка полуоткрыл глаза, а так как над ним висел потолок, то первым он и увидел его с четырехугольным отверстием посредине. Отверстие было закрыто стеклом... правда, пузыристым и не чистым, но все же стеклом... Через него теперь

посылало свои животворные лучи солнце. Стены не сказать чтобы отличались особенной шлифовкой и белизной, но все же были достаточно выровнены и — до некоторой степени совершенно — выбелены. И фазан. Если он и не представлял собой образца чучельного искусства, то опять-таки больше, чем какая бы то ни было птица, походил на фазана, а не на коосулю и не на зайца. То, что больной ночью принял за аляповатый шкаф, оказалось великолепно сложенной печкой... — Ай Скальпель! Ай да Скальпель!..

Николка осторожно повернул голову. За столом, имевшим поверхность, достаточно гладкую для того, чтобы с него не скатывались плоскодонные предметы, сидел собственной персоной ученый медик. Он выгодно отличался от того Скальпеля, которого Николка знал до болезни. Прежде всего, на нем был всего лишь один передник из голубой змеиной кожи. Затем, тело его потеряло всякий намек на одутловатость, складчатость и неприятную бледность; дряблость мышц совершенно исчезла и даже лысинка заросла... Короче говоря, перед Николкой теперь сидел коричневокожий, мускулистый и стройный человек, находившийся в расцвете своих сил... Рецепт такого перевоплощения Николка знал: вода, солнце, воздух, физическая работа и здоровое питание. Скальпель всем и каждому не уставал

рекомендовать этот рецепт, но сам никогда ему не следовал.

На столе, накрытом той же голубоватой змеиной кожей, перед Скальпелем стоял сосуд, до некоторой степени похожий на чайник, из почти белого фарфора, две кружки, имевшие с кухонными горшками весьма отдаленное сходство (а зачем им иметь это сходство?), тарелка, очень мало напоминавшая таз для варенья (на то она и тарелка!), в тарелке скромненько лежали (даю голову на отсечение!) очищенные картофелины, куриные яйца и сливочное масло!.. Мало того, — тут же лежал настоящий металлический нож с костяной рукояткой, а на полу около входа (пол, как две капли воды, походил на цементный!) — топор, кирка, лом, молоток и то самое долото, которым Скальпель во время болезни Николки ковырял в потолке... И все это (что особенно и удивляло!) существовало на фоне самых первобытных звуков, врывавшихся в пещеру через открытую настежь деревянную дверь (да, дверь!).

Николка глазам своим не верил. Неужели все это сделал Скальпель? Да за какой же тогда срок? Сколько же времени пролежал он от страшной царапины саблезубого хищника? Пускай даже неделю, разве за этот срок мыслимо натворить такую гибель чудес?! Абсолютно немыслимо! Без

фокуса не обошлось!

В это время снаружи донеслось мычание коровы (настоящей коровы). Скальпель проворно сорвался с колченогого стула и озорным комсомольцем выскочил в дверь.

«Новое дело!.. — подумал Николка. — Он даже коров успел завести...»

Однако, лежание ему порядком надоело. Шумная жизнь вне пещеры — мычание, лай, щебетание птиц — звала к себе и подмывала узнать о дальнейших проделках омоложенного Скальпеля.

Николка хотел подняться с постели так, как он обычно поднимался: дрыгнуть в воздухе ногами, запрокинуть их под себя, выгнуть спину и встать, — то есть сделать всклепку со спины... Ровным счетом ничего не вышло! Ноги не дрыгнули и не запрокинулись, а только чуть сдвинулись с места, спина не выгнулась и даже не пошевелинулась, а в голову ударило, будто десять пудов поднял.

— Батюшки! Неужели я с кровати не встану и обыкновенным манером? — ужаснулся Николка. — Что же со мною произошло?

До сих пор ему ни разу не приходилось серьезно болеть, и он не знал состояния поднимающихся после тяжелой болезни, но тут не одна болезнь играла роль. Когда он попробовал сесть на кровати «обыкновенным манером», его

ноги не смогли опуститься вниз.

— Ч-черт! Фокусы Скальпеля!.. — догадался Николка: поверх его ног и груди были протянуты крепкие полосы универсальной змеиной кожи.

Против одного фокуса подействовал другой, — Николка сполз с подушки, подлез под змеиную кожу на груди, снова поднялся на подушку и освободил ноги. Эти манипуляции вызвали у него одышку и негодование против своей слабости.

Отдышавшись, он сел, наконец, на кровати. Теперь закружилась голова; снова пришлось делать передышку.

Негодование его перешло в бурное возмущение, когда он увидел собственные свои конечности... Какие это были ноги и какие руки! — Бледная кожа, дряблые, чуть заметные мышцы — ни тебе бицепсов, ни тебе грифа, ни икроножных — ни черта!.. Просто-напросто Скальпель заменил себя Николкой, а Николку собой!.. Ну, за эти фокусы он поплатится головой!..

Возмущение понемногу улеглось, и фабзавук понял всю нелепость своего предположения. Скальпель тут был ни при чем. Может быть, он еще спас ему жизнь. А болезнь длилась, вероятно, не одну неделю; три-четыре, наверное. За этот срок ученый медик смог бы при желании построить целый небоскреб, а не это жалкое подобие

культурной домашней обстановки.

С громадным напряжением, останавливаясь ежесекундно, Николка вдоль стены добрался до стула. Стул приходился как раз против открытой двери. Солнце, зелень, синева неба, разноголосый шум животных... Буйно-трепещущая жизнь ударила ему в лицо. Он даже закрыл глаза в новом приступе возмущения против своей слабости и нового головокружения. Потом открыл их и жадно стал впитывать в себя детали резко изменившегося вида перед пещерой.

Местность непосредственно перед их жилищем — с десятком гигантов-дубов — была окружена высокой стеной каменной кладки. Кладка была грубая, первобытная, но камни, составлявшие ее, превышали весом десятки пудов. — Постройка циклопов, — подумал Николка. Стена подходила вплотную к утесу с пещерой, в одном месте ее была оставлена брешь, закрывавшаяся воротами из грубо связанных бревен. Внутри двора, на просторе, осененном размашистыми кронами дубов, бродили две коровы, пяток диких коз, лошадь, несколько свиней с поросятами и десятка два ярко-перистых кур с многочисленными выводками цыплят. Один угол двора был отгорожен и покрыт навесом из хвои; здесь стоял стог сена и большая глиняная кадка, очевидно, с водой. В другом углу, тоже за загородкой, был сложен горн, и рядом с ним

возвышался предмет, который, по терминологии Скальпеля, вероятно, носил название наковальни.

Сам Скальпель бегал с хворостиной по двору, загоняя одну из коров в специально для коров отгороженное пространство. О назначении технических приспособлений, находившихся в коровьем загоне, Николка никак не мог догадаться, несмотря на всю их простоту: в каменную стену, на высоте трех метров, было заложено под прямым углом толстое бревно, на нижней стороне его висели две уключины с железными блоками, через блоки перекинута была веревка. Свободные концы веревок свешивались над землей, два другие оканчивались на двух вращающихся колесах, к осям которых были приделаны рукоятки, — по всей вероятности, то были лебедки. Скоро Николке довелось узнать о назначении коровьих приспособлений.

За воротами двора показался исполин-мастодонт, трубивший неистово в сознании собственного достоинства. Рядом с ним тьявкал Керзон.

— А, Малыш пришел! — весело крикнул Скальпель и побежал отворять ворота.

Исполин, нареченный, по странной фантазии Скальпеля, «Малышом», горделиво покачиваясь, вошел внутрь. Между прямыми длинными бивнями его и хоботом был защемлен добрый стог

полувысушенной травы, — отсюда вытекала его гордость. Скальпель закрыл ворота с помощью того же Малыша, попятившегося на них задом, и побежал открывать загородку с сеном. В последнюю исполненный достоинства мастодонт свалил принесенную им траву.

Охалку травы Скальпель вынес во двор, прежде чем закрыть за собой сеновал. Часть ее он положил в стойло Живчика, другую часть — в стойло коровы, оставшейся во дворе, третью отнес корове, находившейся в загоне. Потом он стал в «рабочую позу» около своих диковинных снарядов, не подозревая, что любопытные глаза следят за всеми его действиями.

Когда корова вошла в надлежащий аппетит и достаточно забылась в акте самонасыщения, Скальпель ловко нырнул под нее, захватив с собою конец первой веревки; этим концом он обвязал туловище коровы под передними ее ногами. Затем он нырнул обратно, захватив конец второй веревки, пропущенной под задними ногами коровы. Второй конец также был укреплен вокруг ее туловища. После этого началась потеха. Скальпель бросился к своему подъемному механизму и бешено забегал от одного колеса к другому, накручивая на них обе веревки. Корова взревела благим матом...

Николка, несмотря на новый приступ головокружения, не удержался от громкого смеха.

Он еще не знал, для каких целей Скальпель поднимает в воздух ополоумевшую от страха корову; но сразу увидел все несовершенство приборов. Ведь можно было оба колеса укрепить на одной оси, и тогда ученому медику не пришлось бы так бешено гонять от одного колеса к другому в тщетном старании равномерно поднимать и зад и перед несчастной коровы...

Скальпель остановился, когда между ногами коровы и землей расстояние достигло сантиметров десяти, вытер чело, орошенное потом, и сел под корову, привязав ей предварительно передние ноги к первой веревке, задние ко второй. Потом он подставил под вымя коровы глиняное ведро и начал сдаивать в него молоко...

Николка почувствовал себя дурно — не от причудливых операций Скальпеля с коровой, а от того же головокружения, повторившегося с новой силой. Слишком много воздуха, солнца, зелени и жизни было в природе. Слишком ярко пылало солнце и опьянял воздух, слишком красочна была зелень и увлекательна жизнь. Казалось, до болезни природа меньше имела красок, меньше звуков, была проще и менее обаятельна. Ослабленный организм ненормально остро воспринимал действительность и не справлялся с богатством впечатлений.

Будто волоча за собой непосильное бремя,

Николка пополз обратно к койке и растянулся на ней без мыслей, без желаний, весь покрытый испариной.

Через пару минут в пещеру вбежал жизнерадостный Скальпель с мотивом из неизвестной оперы на устах. Мотив его резко оборвался, и жизнерадостность испарилась, как только он увидел бледное и потное лицо своего пациента.

— Кто вам позволил вставать? — громко возопил он, моментально багровея.

Но пациент был слишком слаб, чтобы отвечать, и медик поспешил дать ему укрепляющих капель, напутствуя их сердитыми взглядами и ворчанием:

— С вами, как с малым ребенком: чуть не доглядишь — готово, умудрил чего-нибудь... Будто мне только и дело — с вами нянчиться! А за птицей кто должен глядеть? Кто должен напоить Живчика? Кто Милку с Красавкой выдоит? Кто Малыша на работу отправит?.. Все я да я... А тут еще двуногое неразумное создание на руках. Ведь нарочно, кажется, привязал его к кровати. Думаю: очнется — поймет, что вставать нельзя; а он понял так, будто я с ним в завязалки играю... Этакое, прости господи, существо...

От капель ли Скальпеля, от его ли монотонного ворчания, от переутомления ли, или

от всего этого вместе взятого — только Николка опять заснул.

Проснулся он от странного беспокойства, взглянул вверх и оцепенел: две пары глаз на волосатых мордах через потолочное стекло на него глядели. Не глаза, а глазища звериные... Николка крикнул — глаза пропали — в пещеру вошел Скальпель.

— Чего орете? — спросил он, улыбаясь.

Николка без улыбки ответил:

— Чьи-то глазища на меня через потолок смотрели.

— Вы это как? Seriously? Без бреду? — обеспокоился сразу Скальпель.

— Без бреду, — отвечал Николка. — Рожи словно человеческие, но волосатые.

— Те-те-те... — многозначительно протянул Скальпель. — У меня этой ночью молот с наковальни свистнули... Ну, впрочем, о хозяйстве после, а сначала — как себя чувствуете?

Он выслушал, выстукал Николку и остался доволен:

— Через недельку разрешу встать.

— Дудки, — отрезал Николка, — сегодня встану, дайте только что-нибудь полопать.

— Не будем спорить, — дипломатически уклонился медик. Он дал Николке бульону, пару яиц, немного мяса, немного молока, — голода его

совершенно не удовлетворил, но успокоил:

— Поменьше, да почаще.

Поевши, Николка опять заснул и проделал так ровно четыре раза, вплоть до ночи. Ночью он спал спокойно, без просыпа.

Утром он так хорошо почувствовал себя, что, закусивши еще раз, уже более основательно, вступил с медиком в длинный разговор. Разговор этот чуть было не закончился катастрофой.

Николка открыл диалог вопросом:

— Вы что, вместо научных изысканий хозяйчиком решили заделаться?

У Скальпеля почему-то дрогнули щеки, краска набежала на коричневое лицо.

— Я... видите ли... конечно, не против науки, но... случились некоторые обстоятельства, которые...

Медик остановился, но щеки его прыгали, глаза бегали.

— Видите ли... на этот вопрос я вам после ответу, пока же спрашивайте о другом...

— Хорошо, — согласился Николка, объясняя смущение Скальпеля действием неприятного слова «хозяйчик». — Тогда скажите: это все — стол, стулья, ограду, стекло, инструменты — сами вы сделали?..

— Сам, конечно, сам, — сразу оживился Скальпель, — без какой бы то ни было посторонней

помощи, совершенно самостоятельно...

— Здорово! — похвалил Николка, однако с сомнением в голосе. — Но вот, чтобы вы совершенно самостоятельно сложили каменную стену, этому, извините, я никогда не поверю.

— А Малыш-то?! А мастодонт-то на что?! — вскричал Скальпель, захлебнувшись самодовольным смехом. — Конечно, я не таскал камней. Я даже не укладывал их. Все это сделал Малыш под моим непосредственным руководством... Умная bestия! Он мне и сено собирает и бревна таскает... Да что!.. Я его заставляю одного ходить на реку... Обыкновенно-то я сам хожу с ним, привязываю ему кадку к бивням и иду, а когда мне некогда или лень, отправляю одного; он мне воду приносит в хоботе. Наберет полный хобот и ни одной капли не прольет — все притащит... Имейте в виду, что в хоботе — доброе ведро... Да вы лежите, лежите. Нельзя вам вставать. И молчите. Я вам все по порядку расскажу, без ваших вопросов...

— Ну вот! Начну с пещеры... Как видите, я ее привел в состояние, вполне пригодное для жилья... Поверьте, то была задача не из легких. У меня не было никаких инструментов, кроме кинжала, но какой он инструмент? — ни рубить, ни тесать, ни резать. Таким образом, на самых первых порах передо мной стал вопрос об инструментарии, хотя